

Светлана
АЛЕШИНА

Не гони лошадей

Сериал
«Парацци»

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЭКСМО

Папарацци

Светлана Алешина

Не гони лошадей

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Не гони лошадей / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Папарацци)

Ольга Бойкова, главный редактор криминальной газеты «Свидетель», не знает страха, если речь идет о получении сенсационного материала! Расследуя похищение реставратора антикварных ценностей, она решает ловить преступников «на живца», то есть на себя. Похитители должны обязательно клюнуть на эту приманку. Милиция оповещена. Только успеет ли она вовремя?.. И вот теперь в подвале среди развалин должен совершиться обмен: попавший в руки Ольги бесценный мировой шедевр – доска самого Леонардо да Винчи – обменивается на жизни папарацци и ее друзей...

Светлана Алешина

Не гони лошадей

Люблю, просто обожаю я свою работу. Всегда в курсе всех событий, все про всех знаешь, а уж тем для разговоров... И знакомых появляется такое количество, что про них просто забываешь, «hi есть hi», как говорится. В нашем репортерском деле без осведомителей-доброжелателей не обойтись, иначе конкуренты обскачат. А конкуренция у нас, у частных печатных изданий, ого-го какая! Но я, Ольга Бойкова, главный редактор газеты «Свидетель», и это без ложной скромности говорю, вне конкуренции. А все почему? Да потому, что умею общаться с людьми, умею их слушать. Вот и сегодня днем, пока я, философствуя, листала старые номера «Свидетеля», раздумывая, чем бы в очередной раз привлечь читателя, раздался звонок в приемной. Маринка, как всегда, где-то болталась. Маринка – это моя секретарша и подруга в одном лице. Дело, между прочим, неблагодарное, дружба-то дело хорошее, но никакой трудовой дисциплины не соблюдешь. Так вот, Маринки на месте не оказалось, и трубочку взяла я.

– Здравствуйте, – произнес юношеский голос, – мне бы Ольгу Юрьевну Бойкову, по срочному делу.

Голос мне был незнаком, но...

– Да, у телефона, – произнесла я, пытаюсь угадать, что же за дело у юноши ко мне.

– Ой, здравствуйте, – поздоровался говорящий во второй раз, – а я вас не узнал...

– Я, собственно, тоже, так что извиняться не за что.

– Я Сергей Капралов, вы у нас в прошлом году были, когда писали о взятках на вступительных экзаменах...

Ага, теперь я вспомнила, был такой мальчик. Тогда еще абитуриент, мальчик с золотой медалью и мамой учительницей, пришли ко мне в газету рассказать о любопытных вещах, происходящих в стенах и моей альма-матер. Шуму было много, но мальчишке и еще десятку бывших школьников я помогла. Но, впрочем, песня совсем не о том...

– Да, Сергей, что случилось? – спросила я, пододвигая к себе пачку сигарет и пытаюсь вспомнить, на каком факультете учится Капралов.

– У нас ЧП случилось... – произнес он, обдумывая, как бы поточнее сказать, – убит преподаватель нашего факультета (тут я наконец вспомнила, что Сережа поступал на филфак)... Убит преподаватель с истфака... прямо на пороге... Я решил вам позвонить, вы тогда говорили, чтобы я звонил если что...

Точно, говорила. Помнится, Сергей расспрашивал о работе журналиста криминальной газеты, вот я тогда и сказала, что если что интересное... Честное слово, я не убийство имела в виду, а так просто с языка сорвалось, чисто механически. Уж больно глазенки у пацаненка горели, оно и понятно, плох тот студент филфака, который не мечтает стать журналистом.

– Спасибо, Сережа, я сейчас подъеду. Там, наверное, уже милиция?

– Нет, уже все уехали и тело... Антона Павловича... ну, в общем, увезли уже.

Мы договорились с Сергеем о встрече в студенческом кафе «Гаудеамус», я быстренько собралась. Как назло, в этот час в редакции никого не было. Между прочим, рабочее время в разгаре... Отдать распоряжение некому. Хоть один человек должен быть на связи, но вечно, когда нужно, никого не найдешь. Я быстренько нацарапала записку и положила возле кофеварки. Вернется Марина или Виктор с Кряжимским, кофейку захотят – обязательно увидят.

«Ладушка», моя рабочая лошадка, завелась без проблем и вмиг домчала меня до университетского городка. Оглядевшись, я отметила, что собратьев-журналистов из конкурирующих изданий поблизости нет. Оно и понятно, все сейчас заняты – освещают конференцию по правам заключенных. Можно подумать, от этой болтовни жизнь в местах не столь отдаленных улучшится.

Вместо того чтобы выбрасывать деньги на ветер, отдали бы на кормежку зэкам.

Недавно, по долгу службы, пришлось мне там побывать, освещали «День открытых дверей» в одной обычной, не образцово-показательной колонии – придумают же такое. Как в том анекдоте насчет собрания в похоронном бюро. Начальник читает доклад и призывает сотрудников бороться за звание образцово-показательной похоронной конторы. («Выполним и перевыполним план по похоронам!») Юмора люди не понимают.

Завели толпу родственников, поводили, как в зоопарке, по зоне. Вот тут у нас столовая, готовят «профессионалы», вот тут у нас клуб, вот спальные корпуса. Вот комнаты отдыха, на каждый отряд своя, с цветным телевизором, кое-где даже видеоприставки, фикусы сочные в кадках. Все чистенькое, беленькое, травка, как по линейке. Старушки-мамаши ходят, охают, ахают.

Только я воробей стреляный, меня на мякине не проведешь. Пальцем до чистенькой зеленой стенки дотронулась, так и прилипла. Ясно, покрашено в аккурат к этому самому дурацкому дню. В столовую пригласили отведать что бог послал. Первое, второе, третье. Курорт, да и только. Ну, этот фокус мы тоже знаем, какая же хозяйка для гостей не расстарается? А приглядишься: лица осужденных – синюшные, осунувшиеся, под глазами круги темные... А эти все конференции созывают – показушных дел мастера.

Так что я на конференцию не пошла, отправила Сергея Ивановича. Кряжимский – старейший по возрасту сотрудник нашей газеты, ему посидеть спокойно, послушать, вопросы задавать в тепле – как раз по возрасту.

Ну а я благодаря звонку Капралова оказалась самой первой на месте трагедии, после представителей органов, разумеется. «Гаудеамус» ничуть не изменился со времени моего студенчества. Здесь все так же уютно, все так же пахнет хорошо сваренным кофе и свежими рогаликами (фирменный рецепт). Только услуга новая. Но это понятно, в кафешке всегда подрабатывали студенты. Так было заведено очень давно, я и сама, помнится, на втором курсе семестр подрабатывала, пока в заводскую многотиражку не пристроилась. Платили там по тем временам прилично, а работы как раз столько, что она легко совмещалась с учебой, да плюс практика.

В этот час в кафе было малоллюдно, вероятно, из-за происшествия отменили занятия, и все студенты разбрелись по домам. Сережа одиноко сидел за дальним столиком, перед ним стояла бутылка пива и тарелка с орешками. Это тоже нововведение, в наше время пиво было запретным плодом в студенческом кафе, «облико морале» запрещало.

– Здравствуй еще раз, – произнесла я, подсаживаясь к парню.

– Здравствуйте, Ольга Юрьевна. Пива хотите?

– Нет, спасибо, а вот от кофейку, пожалуй, не откажусь. Рогалики тут все такие же вкусные? – поинтересовалась я, доставая диктофон.

Капралов встал и через минуту принес мне кофе и тарелку с еще теплыми рогаликами.

Сережа рассказал мне, что произошло. На истфаке учится его подружка. Они договорились, что он подождет ее в библиотеке. У той оставалась еще одна пара, как раз у профессора Карташева.

Карташев был пунктуальный и дотошный, пропускать его лекции, а тем более семинары могли только камикадзе. Прогульщикам удавалось сдавать экзамены с третьей или пятой попытки. Профессор по четвергам работал в архивах и появлялся как раз к последней паре, ровно за пятнадцать минут до начала занятий. По нему можно было сверять часы, он ни разу не пропустил лекции и приходил даже с гриппом.

На сей раз все было как обычно. В положенное время он поднялся по ступенькам университетского крыльца, открыл дверь... Тут откуда-то из воздуха выскочил грязный, запыленный «жигуль», из него раздалась автоматная очередь, и Карташев упал замертво. Случившееся видел инвалид из окошка дома, чьи окна выходят как раз на университет. Передвигаться само-

стоятельно он не может, телефона в доме нет, а сиделка как раз в это время уходила в магазин. Вернулась она минут через десять после происшествия и только тогда позвонила в милицию (это я узнала чуть позже, по своим милицейским каналам). Короче говоря, когда профессор одновременно со звонком не вошел в аудиторию, никому в голову не пришло сбежать, подождали пять минут, десять. А потом зашел декан и сообщил о трагедии. Всех распустили.

Подружка примчалась в библиотеку и рассказала все Сережке, он тут же вспомнил обо мне и позвонил. Я выключила диктофон, допила кофе и отправилась на поиски декана исторического факультета. Нужно было срочно достать фотографию погибшего и собрать официальную информацию.

Заплаканная секретарша с покрасневшими глазами и распухшим носом, взглянув на мое удостоверение, прошептала, что декан будет через час. Придется ждать. Ожидание – одна из добродетелей хорошего журналиста. С этим у меня все в порядке. Все равно без дополнительной информации мне статью не написать. Карташева я не знала, хотя со многими преподавателями с истфака в мою студенческую бытность сталкивалась. Филологи и историки учились в одном корпусе, проводили совместные мероприятия, встречались в библиотеке. Так что мы, как водится, перемывали косточки преподавательского состава обоих факультетов.

На всякий случай я решила позвонить своей давнишней приятельнице, закончившей как раз истфак. Лена преподавала историю в одной из гимназий Тарасова, сеяла «разумное, доброе, вечное» среди маленьких монстров. Она, как всегда, посетовала на трудный учительский хлеб, маленькую зарплату, нервную работу, позавидовала моему «легкому» житию-бытию.

– Да, а ты, собственно, чего звонишь? – нажаловавшись от души, поинтересовалась она.

– Лена, ты такого профессора с истфака, Карташева, не знаешь?

Лена пару минут помолчала.

– Он в универе всего несколько лет работает, нас не учил... Но мы, кажется, на конференциях встречались... Он к нам откуда-то перевелся, из Питера, что ли... Занимается, по моему, нэпом или Гражданской войной...

Да, негусто...

Декан, замотанный, нервный, уставший, с подозрением разглядывал мое журналистское удостоверение, а затем добавил к словам Елены информации с гулькин нос. Карташев работал на кафедре не так давно, считался перспективным ученым, имел несколько опубликованных трудов, пару аспирантов. Короче, «не был, не состоял, не участвовал»...

Почему перевелся из престижного города в наш университет? Во-первых, хотел быть поближе к архивам, изумительно подходящим к его теме, во-вторых, сырой климат Северной столицы был вреден его жене, а в-третьих... Ректором университета был друг его родителей, он и выбил квартиру для перспективного ученого. В Питере, сами понимаете, с жильем проблемы, а молодых ученых – перебор. У нас же таких преподавателей по пальцам перечесть, все уже предпенсионного возраста, старая гвардия.

Декан показал личное дело, там ничего криминального не обнаружилось. Скупые строчки автобиографии, внушительный список опубликованных работ, вот, пожалуй, и все. Я на всякий случай списала домашний адрес Карташева и взяла пару фотографий: конференция историков, вручение дипломов выпускникам. С фотографий глядело интеллигентное, даже привлекательное лицо. За что ж это его так?

В качестве довеска мне дали список аспирантов, которые тесно общались с профессором. Несколько фамилий. Почти все аспиранты оказались на месте, кроме одного, который в данный момент находился в научной командировке – Коган Павел Владимирович. На нет, как говорится, и суда нет. Я обзвонила всех остальных – по списку, но ничего особенного они мне не рассказали. С погибшим их связывали отношения аспиранта с научным руководителем, а таковые к откровенности не располагают и ответа на вопрос, за что был убит профессор, не дают.

Пытаясь ответить на сакраментальное «почему», я вернулась в редакцию. Часы показывали без пяти шесть. Никого из сотрудников в редакции не было (все еще или уже). Правда, по остаткам печенья в вазочке на кофейном столике, по грязным чашкам и полной окурков пепельнице я поняла, что они на работу являлись и снова разошлись по своим делам. «Посуду можно было вымыть», – отметила про себя. Ладно, я хоть и главный редактор, но все же человек. Ничего, пусть отдохнут. Завтра дел у нас неувпоровот. Придется перепахивать почти сверстаный номер, но общими усилиями выпустим в срок.

Я сделала пару звонков своим знакомым в милицию, выяснила, кто занимается убийством Карташева, раздобыла кое-какую информацию о возможных версиях. Все эти манипуляции заняли у меня не больше часа, интересно, а к же... пардон, к вдове Карташева идти не поздно? Я закурила, пытаюсь прислушаться к голосу совести и разума. Кто победит? Совесть тихонечко шептала, что нехорошо беспокоить несчастную женщину в день гибели мужа. Разум же орал во все горло, что ехать нужно срочно, пока другие коллеги не опередили. Тем более что сейчас, в стрессовой ситуации, вдова сможет рассказать что-нибудь важное.

Разум победил. Вот за что я не люблю свою работу, так это за то, что приходится лезть в душу несчастных родственников, копаться в грязном белье. Но если не я, тогда обязательно то же самое сделают другие. Например, мой заклятый друг, бывший однокурсник Артем Тарабрин, ведущий журналист «Криминального Тарасова». Этот шовинист до сих пор считает, что женщинам не место в криминальный хронике. Место женщины-журналиста в журнале «Космополитен», «Домашний очаг», «Крестьянка», «Работница» или в лучшем случае в газете «Вечерний Тарасов» в разделах «Поговорим о красоте» или «Аптека с грядки». Ну уж нет, не дождется, такого удовольствия я ему не доставлю. Я усмехнулась, представив, как вытянется физиономия Тарабрина, когда он возьмет в руки свежий номер «Свидетеля».

Карташевы жили в районе новостроек, в стандартной многоэтажке, на пятом этаже. Я поднялась в обшарпанном лифте, успев прочитать надписи аборигенов: «Колька дурак», «Спартак» – чемпион», «Мумми Троль» – муммитролеей всех».

Как начать разговор с вдовой Карташева, я так и не придумала. «Ладно, буду действовать по обстановке», – подумала я, нажимая кнопку звонка. Дверь открыли не сразу. На пороге стояла женщина лет тридцати пяти – сорока: зареванное лицо, потухшие глаза, спутанные волосы.

– Проходите, – произнесла женщина, даже не спросив, кто я и откуда.

Я прошла, незаметно оглядываясь. Обычная двухкомнатная квартира, крохотная прихожая, встроенный шкаф, зеркало, телефон, тапочки. В большой комнате, куда проводила меня хозяйка, много книг, стенка, телевизор, ковер, два кресла и диван. В углу письменный стол. Обстановка ничего конкретного о хозяйке, вернее о хозяевах, не говорила.

Я представилась, показала свое удостоверение, женщина внимательно выслушала меня.

– Я из редакции газеты «Свидетель», хотела бы написать про вашего му...

– Это уже не ко мне, – зло оборвала она меня.

Я уставилась на нее, ничего не понимая. «Уже» – это в каком смысле, «уже» теперь, по поводу кончины супруга или «уже» вообще? Видя мою растерянность, вдова профессора пояснила:

– Мы с Карташевым год как не живем, этот мерзавец со студенткой сожительствует, – женщина говорила, едва сдерживая рыдания. Непонятно, по поводу чего были эти слезы: то ли по поводу гибели, то ли по поводу измены супруга. Я, как могла, успокоила женщину, накала ей валерьянки, но разговора у нас не получилось.

В деканате дали именно этот адрес, значит, там не знают о новой семье профессора. Образ положительного «морально устойчивого, перспективного, талантливого ученого» стал приобретать большую реальность. Что ж, и на солнце есть пятна. Ладно, моя газета криминального характера, с желтой прессой мы ничего общего не имеем.

Официальная жена Карташева дала мне адрес его новой подруги, и я решила отправиться к ней. Раз уж я влезла в это дело, нужно было выяснить все до конца.

Карташев со своей молодой подругой проживал в старом центре Тарасова. До главной улицы пешком минут двадцать, до университета десять минут езды, до Волги рукой подать. Двухэтажные особнячки, выстроившиеся квадратом, с внутренними двориками, пристроенные друг к другу, напоминали о купеческом прошлом Тарасова. Дом, в котором жил Карташев, имел и парадный, и черный ход, кое-где сохранилась лепнина. Лестница, ведущая на второй этаж, когда-то знавала лучшие времена. Я поднялась на площадку второго этажа и остановилась перед новенькой железной дверью. Надавила кнопку звонка и услышала мелодичную трель.

Дверь мне открыла заплаканная молодая женщина в джинсах и черной водолазке, в ее пышных каштановых коротко стриженных волосах виднелась черная креповая лента. На бледном лице выделялись огромные зеленые глаза с длинными пушистыми ресницами. Девушка была невероятно красива какой-то хрупкой, изысканной красотой.

– Здравствуйте, я по поводу несчастья с Антоном Павловичем, из газеты. Мы пишем статью об этом трагическом происшествии...

– Это вам она дала адрес? – спросила девушка, пропуская меня в квартиру.

Мне показалась что собеседница моя немного не в себе. Что-то неуловимое...

«Она» – это, вероятно, жена Карташева. Я кивнула и прошла вслед за девушкой по длинному широкому коридору. Пока я шла, насчитала три комнаты, кухню и ванную. Мы оказались в комнате с камином. «Интересно, действующий?» – мелькнуло у меня в голове. Казалось, мы перенеслись в другую эпоху, лет эдак на сто пятьдесят или двести назад. Мебель здесь была сплошь старинная. Огромные стеллажи с книгами, дубовый стол с компьютером (единственная современная вещь), два кресла перед камином. Вероятно, кабинет Карташева.

– Это кабинет моего отца... Антон очень любил тут работать, перенес все свои книги, компьютер...

Понятно, девушка из состоятельных, на профессорскую зарплату так квартиру не обставишь. В официальной квартире Карташева все гораздо проще.

– Извините, что я беспокою вас в такую трагическую минуту... – начала я.

– Вас как зовут? – перебила подруга Карташева, назвать ее женой я почему-то не могла.

– Ольга, Ольга Юрьевна, – произнесла я.

– А меня Элла, Элина. Антон любит... любил меня так называть... – Глаза девушки наполнились слезами, она покачнулась и чуть не села мимо кресла.

Я ринулась успокаивать девушку, поднявшись с места, что-то задела ногой. Это оказалась пустая коньячная бутылка. Вот откуда лихорадочный блеск в глазах и едва уловимый аромат.

Девушка подняла голову и жалобно произнесла:

– Посидите со мной, пожалуйста, мне страшно... У меня ведь никого нет... Это так страшно ходить по пустым комнатам, я даже спать не могу, боюсь... – Девушка поежилась. – Хотите выпить? У меня коньяк есть.

– Нет, спасибо. Элина, вы можете говорить? – спросила я, усаживаясь на свое место.

Она махнула рукой, мол, спрашивайте.

– Скажите, профессору никто не угрожал в последнее время? Телефонные звонки, записки?..

– Мы с Карташевым не афишировали свои отношения, о том, что он живет здесь, почти никто не знал. Если бы в деканате узнали, что мы вместе... Студентка и преподаватель... сами понимаете, я даже со всеми подружками перессорилась, в гости ведь никого не позовешь – разболтают.

– А как же жена Карташева?

– Жена? – Элина презрительно фыркнула. – Он ей деньги за молчание платил, алименты. Она ведь не работает, а денег его ей хватало на нормальную жизнь...

Надо же, все-таки профессора стали получать больше, если их жалованья хватает на два дома. Элиночка гамбургерами и одной жареной картошкой питаться не будет, коньячок вон дорогуший пьет... Не каждый себе такой позволит.

– Элина, а из-за вас, ну там ревнивый бывший друг...

Элина подняла на меня глаза, полные слез:

– Нет, он мой первый и единственный мужчина.

Так дело не пойдет, либо она скрывает, либо ничего не знает.

– Элина, а чем в последнее время занимался Антон Павлович?

– Все на столе, я в его бумагах не рылась...

– К вам из милиции еще не приходили? – попыталась я направить разговор в другое русло.

Элина вздрогнула:

– Зачем?

– Ну вы же... жили с ним последнее время. Они зададут вам вопросы, захотят посмотреть бумаги Антона Павловича. Вы не сможете скрывать, что были близки.

– Мне теперь все равно. Я из-за Антона только на занятия ходила, он считал, что я должна доучиться. Говорил, что у профессора молодая жена обязательно должна быть с высшим образованием, не только красавица, но и умница... Господи, сколько времени потрачено зря. Как я буду жить без него... Нет...

Элина забилась в истерике, я с трудом успокоила ее, напоив валерьянкой. В аптечке нашлись таблетки снотворного, и я дала ей одну. Все остальные убрала от греха подальше, мне было жаль девчонку. Потеряла любимого, единственного родного человека.

Я уложила девушку на маленький диванчик, стоявший в кабинете, укрыла пушистым пледом.

– Посидите, пожалуйста, со мной, пока я не засну. А потом уйдете, у меня замок захлопывается.

Я кивнула и присела возле нее, глядя по руке. Через десять минут девушка заснула.

Я собралась уходить, но любопытство взяло верх. Меня как магнитом тянуло к столу профессора, и я на цыпочках подошла, уговаривая себя, что взгляну одним глазом.

Среди бумаг я заметила два каталога с известных во всем мире аукционов. Шикарные издания на английском языке, с цветными иллюстрациями. В середине одного каталога лежал лист плотной бумаги. Я машинально раскрыла книгу в этом месте. Художник, картина, примерная стоимость... Одна фамилия была подчеркнута красными чернилами, напротив суммы стоял вопрос. Интересно, что привлекло внимание профессора? Я прочитала. Кажется, Леонардо да Винчи. Сумма, стоявшая рядом с фамилией, была просто фантастической. Элина зашевелилась на диванчике, и я аккуратно положила каталог на место.

Я осторожно прошла по коридору, захлопнула за собой дверь и спустилась на улицу. В «Свидетеле» я решила ничего про Элину не писать, в конце концов, у меня криминальная, а не бульварная газета.

Я поехала домой подводить итоги. Следовало бы перекусить по дороге, так как готовить ужин в десятом часу вечера я была не в состоянии. Я притормозила машину у первого попавшегося ночного кафе и прикупила джентльменский набор – пару гамбургеров и бутылку минералки.

* * *

Толком выспаться я не успела, будильник затрещал как сумасшедший, и его вой показался мне трубным гласом судебного дня. Я с трудом разлепила глаза, приняла душ, перекусила и выскочила из дома. В очередной раз я воздала хвалу человеку, изобретшему автомобиль. Вместо того чтобы трястись в переполненном городском транспорте, бороться за каждый сантиметр площади в салоне, я быстро и спокойно добралась до редакции. Денек сегодня предстоял бешеный, в рекордно короткие сроки нужно было сверстать по-новому полосы, успеть в типографию, чтобы проконтролировать выпуск газеты, и прочее, и прочее. На месте были все, за исключением Марины.

Ромку, нашего курьера, командировала в ближайший магазин за прохладительными напитками и сигаретами. Виктор, фотограф, а по совместительству мой телохранитель и просто хороший человек, был отправлен на место происшествия. Сергей Иванович Кряжковский доделывал свою вчерашнюю работу – сообщение о посещении конференции.

Работа закружилась, завертелась, я взглянула на часы, Маринка опаздывала уже на час. Где ее только черти носят? Знает ведь, что по таким дням работы не впрокорот. Ну опоздай на десять, на двадцать минут. Я даже рта не раскрою. Все мы люди, все мы человеки. Но на час!

Ни через час, ни через два, ни через три наша секретарша не появилась и не позвонила, в запарке я даже не смогла отправить к ней Ромку.

Мальчишке пришлось поработать и за секретаршу: печатать и по телефону говорить, с посетителями общаться. А они, как на грех, валили сегодня косяком. Какие-то полубезумные старушки, якобы видевшие НЛО и снежного человека вместе...

– Вот дела, в центре города, кормила в городском парке голубей, – заявила одна старушечка.

Короче, взмыленные, замотанные, мы едва-едва успели с этим выпуском.

И тут на пороге редакции появилась наша Марина. Она ворвалась в офис, бросила на ходу «здрасьте» и направилась к своему столу как ни в чем не бывало. Я кивнула, молча достала сигарету и, отвернувшись к окну, принялась курить. Виктор скрылся в фотолаборатории, Кряжковский недовольно хмыкнул, Ромка автоматическим движением снял трубку разрывающегося телефона и произнес стандартный набор фраз:

– Вы позвонили в редакцию газеты «Свидетель», внимательно слушаю вас...

– Я опоздала, – громко произнесла Марина, – но я не виновата, нашу квартиру пытались ограбить... – торжественно произнесла наша секретарша, будто она выиграла по билету «Русское лото» три миллиона рублей. Мы все прекрасно знали, что Маринка живет в коммуналке. Несколько соседей, в основном старушки-пенсионерки.

Я фыркнула:

– В следующий раз потрудись придумать что-нибудь более правдоподобное. Переводила, мол, через дорогу старушек из Дома престарелых или упала в канализационный люк...

– Не верите? – возмутилась Маринка. – Честное слово, напали, вооруженное ограбление. Можете нашему участковому позвонить.

Я никак не отреагировала на ее заявление. Ну опоздала, ну ладно, скажи правду. Зачем врать-то? Газету в срок выпустили, ничего не случилось, разве что попотели немного, понервничали.

– Сергей Иванович, вы тоже мне не верите? – жалобным голосом бедной овечки спросила она у Кряжковского.

Тот, как человек воспитанный, старого закала, ответил:

– Что вы, что вы, Мариночка, я дамам всегда верю.

Его слова не убедили Маринку, она вскочила со своего места и со слезами в голосе сказала:

– Какие вы все...

Девушка схватила свою сумочку со стола и выскочила из кабинета, Ромка кинулся за ней вслед. Я выглянула в окно. Мальчишка догнал ее и пытался успокоить. Может, правда, я того... погорячилась...

Ромка вернулся через полчаса и рассказал нам потрясающую историю. На коммунальную квартиру, где проживала Маринка, совершено разбойное нападение. Произошло это утром, когда Марина собиралась на работу. Дома, как на грех, никого не оказалось. Соседи разбрелись по своим делам. Вернее, на почту, получать пенсию. Дело это ответственное, очередь надо с утра занимать, а бабульки, они, как известно, бессонницей страдают. Вот и отправились с утречка занимать очередь.

Тут в дверь кто-то позвонил, представились электриками. Дом старый, с проводкой все время неполадки, электрики – частые гости. Маринка дверь и открыла, на нее набросились двое в масках, связали. В их коммуналке запирают двери комнат не принято, все друг друга как облупленных знают, доверяют друг другу. Бандиты прошли по всем комнатам, задержались в одной, принадлежавшей тихонькой старушенции Варваре Никитишне Морозовой. Перерыли все вверх дном, что-то поискали и удалились с пустыми руками. Маринку, валяющуюся на полу, связанную, с кляпом во рту, нашли старушки, вернувшиеся с почты.

Что понадобилось грабителям, неизвестно. В Маринкиной коммуналке обитают несколько одиноких бабулек, у которых и взять-то нечего. Самой состоятельной из них можно назвать пенсионерку Серафиму Наумовну. Мне как-то пару раз довелось с ней столкнуться. Любительница хорошо поесть и вволю поболтать, сплетница, каких свет не видывал. Живет эта дама с холостым сыном Толиком, он, если я не ошибаюсь, в милиции работает. Ничего ценного в комнате Серафимы Наумовны не взяли, а там все же было чем поживиться. Как-никак бывший ресторанный работник. У других жильцов тоже ничего не пропало.

Вызвали милицию, те приехали, покрутились, для виду соседей поспрашивали – и все. Чего дело заводить, если ничего не похищено, никто не пострадал? Пока то да се, на работу Марина опоздала, позвонить забыла. А тут еще Варваре Никитичне сделалось плохо с сердцем, ее увезли на «Скорой».

Вот, собственно, и вся история, которую нам поведал Роман.

На следующее утро Маринка появилась в редакции как ни в чем не бывало, мы, естественно, принесли ей свои извинения и выразили сочувствие. Наша жизнерадостная секретарша уже оправилась от потрясения:

– Ладно, чего уж там, я все забыла, – произнесла она, колдуя над кофеваркой. Кофе наша секретарша готовила отменный, для меня оставалось загадкой, как она ухитрялась это делать. Кофеварка одна и та же, кофе тот же, технология приготовления вроде бы немудреная. Но Маринкин кофе в сто раз лучше любого другого.

Я смаковала любимый напиток, вполуха слушая Маринино щебетание:

– Милиция, как всегда, в своем репертуаре: будем искать, но найти очень сложно, тем более что ничего не пропало... А то, что меня чуть не прибили, это не в счет, ведь не прибили же! Представляешь?

– Угу, – произнесла я, допивая вторую чашку и разглядывая свеженький номер газеты.

Сообщение об убийстве Карташева, фотографии с места происшествия, статистика нераскрытых заказных убийств по России, по Тарасовской области, официальные версии из милиции, неофициальные версии, интервью со студентами и преподавателями университета. Получилось довольно остро, интересно. Темка Тарабрин уже с утречка звонил с критикой. Но меня не проведешь, это он из зависти, что первым не успел. Так что один – ноль в пользу женщин-журналисток.

Дела наваливались одно за другим: происшествия, мероприятия, события, требующие освещения на страницах нашей газеты, и прочее, прочее. Смерть Карташева пополнила список нераскрытых дел, неудачная попытка ограбления Марининой квартиры забылась. Жизнь вошла в привычную колею.

* * *

– Оля, у нас сегодня никакой срочной работы не намечается? – поинтересовалась Маринка, старательно наводя порядок в комнате, где сидели Кряжимский, Виктор и Роман.

С самого утра она вылизывала мой кабинет, привела в порядок бумаги в ящиках стола, до блеска протерла зеркало, напечатала массу материала, навела чистоту в фотолаборатории, короче, работала как пчелка. Ну, теперь понятно, чем вызван приступ хозяйственности.

– Кажется, нет, – ответила я, догадываясь, что последует за этим.

– Можно я тогда пораньше уйду? – просительно произнесла она и тут же торопливо добавила: – Я с Ромкой договорилась, он будет на телефоне.

– Что, опять? – произнесла я, глядя на Маринку.

Последние несколько дней в глазах мой подруги появился знакомый блеск. Блеск этот был первым сигналом к тому, что Маринка в очередной раз встретила «именно того мужчину». Если честно, я уже со счета сбилась, сколько этих потрясающих, в самом начале знакомства, и настоящих придурков, в конце бурного романа, встретила Марина. К тому же на столе подруги вот уже несколько дней красовался букет потрясающих роз.

Маринка закатила глаза и вздохнула:

– Оля, я тебе все-все завтра расскажу! Он такой... он... Мы сегодня в ресторан идем, в «Нить Ариадны», представляешь? А мне еще в парикмахерскую успеть нужно и вообще...

«Нить Ариадны» – самый популярный и элитный в этом году ресторан. Греческая кухня, сиртаки, оливки, вино в амфорах... Значит, на сей раз ей встретился состоятельный мужик, надеюсь, это серьезно.

– Ладно, иди, завтра все равно выходной, – отпустила я подругу, а сама принялась за работу, немного завидуя Маринке. Погода на улице превосходная, теплый весенний ветер, солнышко. Да, тяжела ты, шапка главного редактора. Сиди и разбирайся с текучкой, нудными посетителями, рекламодателями, счетами.

Я проторчала в редакции до позднего вечера, дома меня никто не ждал, торопиться готовить ужин или нестись по магазинам мне не нужно. Я стараюсь не обременять себя готовкой, полуфабрикаты – лучшие друзья современной работающей женщины. Этим добром мой холодильник забит до отказа: блинчики, пельмени, котлеты, биточки, рыбные палочки и прочие кулинарные стандарты.

Я добралась до дому, сунула в микроволновку очередной продукт быстрой заморозки и поплелась в ванную смывать красоту.

Привычным движением нанесла крем, вымыла руки и поспешила на кухню. Я быстренько поужинала, сполоснула посуду и отправилась спать. Хорошо что завтра выходной. Можно лечь пораньше и поспать подольше. Я забыла отключить телефон, а надо было. Только я задремала, как меня разбудил звонок. Мне ужасно не хотелось брать трубку, важных сообщений я не ожидала, неприятных известий именно сейчас выслушивать тоже не хотела, а все остальное могло подождать до завтра. Все же журналистика – это не профессия, это диагноз, с которым предстоит мучиться всю жизнь.

«А вдруг и правда что-то важное, интересное?» – промелькнуло в моей голове, и рука механически потянулась к трубке.

– Ой, Оля, ты не спишь? Как хорошо, – раздался восторженный голос Марины. Я взглянула на часы – первый час ночи. Вообще-то, нормальные люди в такое время не звонят, но кто говорит, что влюбленные нормальны? Я вздохнула и ответила:

– Нет, уже не сплю. Что случилось?

– Оля, ты знаешь, я действительно его люблю. Саша такой потрясающий, он предложил мне выйти за него замуж.

– Так-таки и замуж? – произнесла я, стараясь скрыть зевоту.

– Ну, почти, он предложил, чтобы я переехала к нему. Понимаешь? Нам нужно пожить вместе, привыкнуть друг к другу, понять, подходим ли мы... Штамп в паспорте – это такая незначительная деталь, такая ерунда... когда два человека любят и доверяют друг другу. – Это что-то новенькое, явно Сашины заморочки.

– Стоп, – попыталась я охладить восторженность подруги. – А когда это вы успели так полюбить друг друга? Ты же знаешь его всего несколько дней?

Маринка замолчала на секунду и проговорила:

– Слушай, давай я к тебе сейчас приеду... А то в коридоре толком не поговоришь. Мои старушечки среди ночи разбегались, уши развесили, не спится им...

Телефон в Маринкиной коммуналке стоял в коридоре, как раз между кухней и ванной с туалетом. А поскольку все прочие обитатели квартиры были любопытными старушками, то всякий раз, как Маринка подходила к телефону, начинались хождения по квартире. Всем бабушкам почти одновременно нужно было в туалет, в ванную и на кухню. Всех начинал одолевать приступ голода, желание перекусить и попить чаю. Маринку это страшно бесило, потому что старушки то и дело стремились вставить свое слово, прокомментировать услышанное мимоходом. Каждого нового бойфренда девушки встречали строгие критические взгляды старушек. Понятно, почему Маринка, которой ужасно хотелось поделиться происшедшим, рвалась ко мне.

Господи, за что мне такое наказание?! Если сейчас она придет, то проболтает до утра, потом проспим до обеда, потом она обязательно снова заведет разговор про своего нового героя, и день испорчен. Она обязательно примется что-нибудь готовить, хлопотать до самого вечера... О-ооо!

– Хорошо, приезжай, – разрешила я, представив, что иначе она всю неделю будет дуться на меня, и положила трубку.

Маринка примчалась минут через тридцать, я выглянула в окно и увидела отъезжающее такси. Девушке действительно не терпелось поделиться своей сердечной тайной.

– Ты даже не представляешь, какой он душка, – восторженно щебетала подруга. – Красивый, умный, тактичный, и деньги у него имеются. К тому же холостой...

– Это ты как вычислила? – усмехнувшись, спросила я.

– Ничего я не вычисляла, он сам сказал, что живет один. Некогда знакомиться с женщинами – работа, работа...

– Ага, а как же тогда с тобой познакомился? Или ты, как всегда, приятное исключение? – съехидничала я.

– Ничего подобного, – не обратив внимания на мое ехидство и колкости, ответила подруга. – Мы с ним познакомились совершенно случайно. Я на работу шла во вторник, помнишь, тогда еще дождь лил, первый, с громом... – Я кивнула: погода в тот день была ужасная, дождь лил как из ведра, а у нас в городе, как обычно, все стоки забиты, воды набралось по щиколотку...

– Ну вот, я как раз дорогу переходила, а тут легковушка пронеслась так, что всю меня с ног до головы обрызгала. Стою я, грязь с меня капает, пытаюсь лицо вытереть. Тут машина задним ходом и ко мне... Высовывается мужик и, представляешь, прощения просит. Ну я ему по полной программе «прощение» и выдала... А он дверцу открыл, выслушал мои ругательства

и опять извинился. «Давайте я вас в химчистку отвезу, вы себя в порядок приведете и одежду почистите», – говорит. Представляешь?

Маринка замолкла на минуту, запихивая в рот бисквитное печенье, намазанное джемом, и продолжила:

– Ну, в химчистку я с ним, конечно, не поехала, тогда он пригласил меня на ужин в любой ресторан города, когда мне удобно. Оставил свою визитку, подвез меня до редакции и укатил. Ну я ему позвонила в тот же вечер, и мы посидели в ресторане... Это не мужик, это мечта! Цветы купил, облапать не старался, спить тоже... Потом он меня домой проводил и в гости не напрашивался...

Похоже, Маринка нашла свой идеал! Судя по блеску ее глаз и глуповатому хихиканью, втрескалась девушка по уши. Я всегда Маринкиной способности удивляюсь: не девчонка уже, а влюбляется по счету «раз». Вечно у нее какие-то бурные романы, страсти, встречи и расставания... Мексиканский сериал да и только.

– Оля, ты меня совсем не слушаешь, – прервала мои размышления Марина, – я тебе сердце раскрываю, а ты...

– Ну почему же, – ответила я, пытаюсь скрыть зевок. – Я очень внимательно тебя слушаю.

Я незаметно скосила глаза на будильник, тикавший на кухонном шкафчике. Два часа ночи! Прощайте, сладкие сны...

Когда мы наконец-то отправились спать, я знала о Маринкином ухажере досконально все. И то, что он позвонил ей на следующий день и снова назначил свидание и что он за эти несколько дней подарил ее подарками и завалил цветами и вообще чуть ли не жениться готов на ней... Он переезжает жить к Маринке в коммуналку, так как у него в квартире сейчас ремонт. А едва он будет завершен, и трехкомнатная шикарная квартира в центре Тарасова будет в их распоряжении. Лежа рядом, Маринка еще долго бубнила что-то мне на ухо, делясь своими восторгами, но я даже не делала попыток вслушиваться. Некоторое время я еще произносила автоматически какие-то звуки типа «угу», «ага», а потом провалилась в сон.

Разбудил меня запах кофе и чего-то жареного. «Интересно, – подумала я, – это галлюцинации или сон?» Я открыла глаза. В комнате было светло – явно не раннее утро. Который час?

Тут на пороге комнаты возникла Маринка в моем халате:

– Вставай, соня, обедать скоро, а ты еще не завтракала.

Тьфу ты, черт, я совсем забыла, что у меня ночевала Маринка. Прощайте, мечты провести выходной, валяясь в постели с книжкой в руках. Я поплелась в ванную приводить себя в порядок.

– Ну и рожу у тебя, Шарапов, – произнесла я, разглядывая лицо. Ночные бдения на пользу мне не идут, пора завязывать с подругами – строгий режим, диета и пробежка. Я умылась, причесалась и выглянула на кухню. Только бы Маринка не начала по-новой про любовь-морковь рассказывать, два дня подряд – это уже слишком. Мы уселись завтракать, а я пыталась придумать повод посерьезнее, который позволил бы мне слинять из дому. Про работу не скажешь, Маринка по долгу секретарской службы прекрасно осведомлена обо всем...

Однако Маринка сама избавила меня от необходимости вранья, она вымыла посуду и отправилась к себе домой:

– Извини, что я уже ухожу, надо дома навести порядок, чтоб Саше моя коммуналка не такой страшной показалась. Он завтра после работы ко мне переберется.

Я для приличия сделала расстроенную физиономию, закрыла за подругой дверь и хлопнулась на кровать с новомодным нашумевшим романом.

* * *

Что плохо в выходных, так это то, что пролетают они гораздо быстрее, чем будние дни. Только расслабишься, войдешь во вкус, и на тебе – понедельник, день тяжелый. Я человек не суеверный, при моей профессии это просто невозможно, но если честно, то понедельники терпеть не могу. Самые неприятные известия я получаю в понедельник, самые скандальные заказчики (есть у нас и такая форма работы – «оказание платных услуг гражданам, организациям и предприятиям», проще говоря, сбор информации о ком-то или о чем-то, все в рамках закона, но довольно прибыльное занятие) появляются в редакции по понедельникам.

Без дополнительного источника доходов ни одна местная газетка существовать не может. Либо реклама, от которой меня просто тошнит, либо «дополнительная деятельность». Альтернативы нет. Причем второе гораздо интереснее, а иногда и прибыльнее первого. Между прочим, из такого вот «сбора» многие наши газетные хиты получились. Недаром «Свидетель» – самая раскупаемая газета Тарасова, это я без ложной скромности заявляю. Ну есть, конечно, и у нас кое-какие недочеты, но о них и разговор заводить не стоит, так их мало. Зато мы из рук местной администрации не кормимся, а значит, независимы, можем говорить обо всем, о чем захочется. Приходится поэтому с любыми клиентами работать.

Вот и сегодня, в этот понедельник, от посетителей не было отбоя. Не успела я выпить традиционную утреннюю чашечку кофе, как Марина соединилась со мной по селектору, судя по ее официальному тону, посетитель был из разряда проблемных:

– Ольга Юрьевна, вас ожидают посетители, разрешите впустить?

– Минуту, Марина, где у нас отчет за прошлый квартал? – произнесла я голосом занятой бизнес-леди.

Маринка через секунду появилась в моем кабинете с толстой папкой в руках. Она закрыла поплотнее за собой дверь и подала папку.

– Ну? – произнесла я, заглядывая в папку, набитую экземплярами «Лизы» и «СПИД-инфо» для большей пухлости.

– По-моему, это кто-то из братков. Страшный такой, ужас просто. Весь в наколках, бритый, – зашептала секретарша. – И никого в редакции. Виктор на задании, Кряжимский сегодня с утра звонил, его соседи залили, ждет сантехников... Может, того, сказать, что ты сегодня принять не можешь?

– Ага, так он и уйдет. Я этих братков знаю, зови. Минут через десять позвони мне на мобильник, я что-нибудь придумаю. Давай.

Я поудобнее уселась в кресле, разложила на столе всевозможные бумаги, включила компьютер и приготовилась принять посетителя.

Мужик, вернее браток, не замедлил появиться. Он решил с порога взять быка за рога:

– Ты вот что, подруга... – произнес он в нос, размахивая растопыренными пальцами.

– Ольга Юрьевна, – перебила я его с любезной улыбкой, указывая на стул.

– Чего? – переспросил браток, сбитый с толку.

– Здравствуйте, меня зовут Ольга Юрьевна, фамилия моя Бойкова, я главный редактор газеты «Свидетель», слушаю вас внимательно, – на одном дыхании произнесла я, не давая братку вставить слова.

– Здравс-ьь, у меня дело... Это... надо про одного баклана информацию собрать...

– Фамилия, имя, отчество? – произнесла я.

– Мое? – изумленно уставился на меня посетитель. Одно из двух, либо он был известной фигурой криминального Тарасова, либо...

– И вашу, и того, о ком вы хотите узнать. У нас все строго подотчетно, сами понимаете, документация финансовая, проверка налоговых органов...

– Ты что, в натуре, не врубилась, подруга? – наконец оправившись от моей наглости или от своего изумления, произнес клиент. – Так я тебе все и выложил. Может, тебе еще и номер счета моего нужен?..

– Ольга Юрьевна, – снова перебила его я. – Меня зовут Ольга Юрьевна, фамилия Бойкова. Если вам трудно запомнить, то я вам на листике напишу.

– Я от Кондратьича, – вдруг шепотом, наклонившись ко мне поближе, произнес клиент.

Я вздохнула, это и без слов понятно, что субъект этот не из общества любителей природы. Только Кондратьич поставляет мне таких тупых клиентов.

Надо пояснить, что Кондратьич – это наш средней руки мафиози старой закалки, живущий «по-правильному». Как-то я помогла найти ему внучку, похищенную братками другой, конкурирующей группировки. Так вот с тех пор Кондратьич поставляет мне всяких отморозов в качестве благодарности за спасение девочки. Воистину благими намерениями вымощена дорога в ад.

– И что с того? Все клиенты для нас равны, хоть от папы римского, хоть от Кондратьича. Положено заполнять бланки, значит, заполняйте, – произнесла я, вытаскивая из ящичка стола длинную анкету, в которой насчитывалось пунктов тридцать. Эту анкеточку я всегда даю на заполнение вот таким «криминальным» товарищам. Охота делать заказ сразу же исчезает, ну и мне никаких проблем и никаких наездов. Клиент сам, добровольно, будучи в трезвом уме и доброй памяти, отказывается от услуг фирмы. Еще бы ему не отказаться, Сергей Иванович Кряжмский не поленился подобрать самые провокационные вопросы типа: привлекались и когда в последний раз, по каким статьям, есть ли родственники в местах лишения свободы и т. д., и т. п. Действует безотказно.

И на этот раз все прошло как и положено, браток проглядел анкету до конца, шевеля губами при ее прочтении, положил листок на стол и, не прощаясь, удалился. Все прошло гладко, даже звонка Маринки не понадобилось. Ну что ж, вроде бы понедельник складывается более или менее.

До обеда нас посетила старушка, разыскивающая своего мопса, пропавшего два дня назад. Старушка требовала объявить животное во всемирный розыск. Мне кое-как удалось убедить ее, что это не в компетенции нашей газеты. Потом пришел молодой человек, разыскивающий девушку, с которой он познакомился в автобусе, следовавшем по маршруту 178. Типичный стандартный набор «заказчиков понедельника».

– Ну что, пойдем перекусим, – сказала Маринка, заглянувшая в дверь моего кабинета. – У нас, между прочим, законный обеденный перерыв. Может, сходим куда-нибудь? – предложила она. – Сейчас обязательно кто-нибудь притащится. Их, – она имела в виду клиентов, – как раздрает всех в обеденное время.

Я потянулась, только сейчас почувствовав, как меня утомила чередой посетителей. Полдня просидела в кресле, и ни одного интересного дела так и не попалось, а голова уже такая тяжелая...

– Пожалуй, ты права, пойдем прогуляемся, – приняла я предложение подруги. – Только кого-нибудь в редакции оставить нужно, мало ли что.

– А Ромка на что? – воскликнула Марина. – Он уже вернулся из типографии и даже успел пообедать. Я его сейчас попрошу никуда не убегать... Рома, Роман, – позвала она зычным голосом. В дверях тотчас же показалась смышленная физиономия нашего курьера.

– Ромочка, лапушка, зайчик, – ласково-просяще произнесла Марина, глядя на парнишку, – ты уже пообедал? – Ромка кивнул. – Ромочка, посиди полчаса-часок на телефоне, за старшего... Это тебе для практики полезно и вообще, а мы с Олей сходим пообедаем, да?..

Глаза Ромки заблестели:

– Ладно, только я по Интернету пошарю, идет?

Ох уж эта современная молодежь, помешанная на виртуальной реальности. Я махнула рукой – делай что хочешь.

Ромка тут же с важным видом уселся за мой стол.

– Ну вы это... можете не торопиться. Пишу необходимо пережевывать тщательнее, так она лучше усваивается, – с серьезным видом произнес он.

Нас с Мариной упрашивать долго не пришлось, тем более что есть и впрямь очень хотелось.

Мы уже почти вышли из здания, когда меня еле слышно окликнул женский голос:

– Ольга Юрьевна, Ольга Юрьевна!

Я оглянулась. Возле окна стояла худенькая женщина небольшого роста. Женщина мне показалась смутно знакомой, но в первую минуту я ее не узнала.

– Здравствуйте, Ольга Юрьевна, – шагнула женщина ко мне, сжимая в руках крохотную старомодную сумочку-ридикюль. – Вы меня не помните? – робко спросила женщина. – Я жена Анатолия Аркадьевича Вассермана, – произнесла она таким тоном, будто собиралась заплакать.

Я сразу же вспомнила имя женщины – Муза Иосифовна.

– Здравствуйте, Муза Иосифовна, что-нибудь с Анатолием Аркадьевичем? – произнесла я, внимательно разглядывая женщину.

Определенно что-то случилось. Вассерман, известный в Тарасове реставратор, работающий в музее, частенько помогал нам консультациями, советами. Мне приходилось несколько раз бывать у них дома, в маленькой квартирке, походившей на филиал музея. Муза Иосифовна сама казалась мне экспонатом этого музея. Прелестная женщина, походившая на героинь классиков XIX века. Вся в кружевах, в семейных драгоценностях, с безукоризненными манерами, отличная кулинарка и гостеприимная хозяйка. Женщина, которая сейчас разговаривала со мной, походила на прежнюю госпожу Вассерман весьма отдаленно. Небрежно одетая, растрепанная, с заплаканным лицом и испуганными глазами...

Сзади меня тяжело вздохнула Маринка:

– Иди уж, разбирайся, пойду хоть гамбургеров куплю.

– Пойдемте-ка к нам в редакцию, – предложила я женщине, – там все и расскажете.

Муза Иосифовна, беспрестанно вытирая глаза роскошным кружевным платочком, следовала за мной.

Я открыла дверь и пропустила ее вперед. В комнате никого не было, все верно – обед. В моем кабинете что-то попискивало, потрескивало, щелкала клавиатура. Там забавлялся Рома. Я решила, что с женой Вассермана можно поговорить и здесь.

– Хотите кофе? – предложила я Музе Иосифовне, но та отказалась. Я налила себе чашечку уже остывшего напитка и присела напротив женщины.

– Ольга Юрьевна, Анатолий пропал. – Слова эти дались ей с трудом, она залилась слезами, прижимая к глазам платочек.

– Его нигде нет, понимаете, нигде. А в милиции говорят... – всхлипывая, произнесла она, – они... они... говорят, чтобы я поискала в м...моргах или у л...любовницы...

Ну, в том, что наша доблестная милиция способна так ответить, я не сомневалась и очень бы удивилась, если бы они сразу же взяли заявление. С другой стороны, сколько таких случаев, когда муж уходит из дома, не сообщив жене о разрыве, не удосуживаясь сказать: «Прощай, прости, любовь прошла...» Потерявшая голову от отчаяния супружница мечется в поисках пропавшей половины, поднимает на ноги милицию, обзванивает морги, больницы... А потом раз – и сталкивается с мужем в гастрономе в обществе молоденькой пышногрудой блондинки, например...

– Ольга Юрьевна, найдите его, умоляю. Я вам заплачу, у нас есть деньги. Только вы можете мне помочь. Анатолий всегда был высокого мнения о ваших способностях... Умо-

ляю... – Женщина дрожащими руками открыла сумочку и принялась вытаскивать из нее пачки, перетянутые резинкой.

– Успокойтесь, Муза Иосифовна. Рома, – позвала я парня, – принеси мне валерьянку, она в нижнем ящике стола. Муза Иосифовна, я вам обязательно помогу. Может, все обойдется. Срочный заказ, например, а он не успел вас предупредить, или командировка...

Через секунду в комнате появился Ромка, держащий в руках флакон с успокоительным.

– Что стоишь, капай вон в стакан быстро, – подтолкнула его я, одновременно пытаюсь успокоить женщину.

– Вот, – протянул он стакан, до краев наполненный водой.

– Ты еще в литровую банку налил бы, – рыкнула я на парнишку. – Накапай капель двадцать и чуть-чуть воды налей.

Муза выпила, судорожно вздохнула и произнесла:

– Простите, я вам доставила столько беспокойства, но мне просто не к кому больше обратиться за помощью.

У четы Вассерман не было ни детей, ни родственников в Тарасове. Возможно, все переехали на историческую родину, в землю обетованную.

– Пожалуйста, расскажите мне, когда это произошло, и поподробнее желательно, – попросила я, заметив, что Вассерман немного успокоилась. Не знаю, что больше действовало – валерьянка или мысль о том, что мы хотим ей помочь.

Муза Иосифовна, взяв себя в руки, принялась рассказывать. Оказалось, что ее Анатолий, как обычно, в пятницу отправился в баню, но не попал туда.

– У них там нечто вроде клуба по интересам, понимаете. Собираются, общаются, обмениваются новостями. Они уже лет десять по субботам там собираются, праздники вместе отмечают, дни рождения. Компания солидная: преподаватели вузов, научные работники... Вечером он не пришел домой, я подумала, что опять в мастерской застрял. Он иногда там ночует, если припозднится, чтоб меня не будить. Утром он не пришел, я подумала, опять срочный заказ. А в обед позвонил кто-то из его «банных» друзей и поинтересовался здоровьем Анатолия Аркадьевича, мол, почему пропустил баню. Тут я начала переживать, – Муза снова принялась всхлипывать, – я пошла в мастерскую, а там...

Рассказ Вассерман прервало появление Марины с пакетом, набитым гамбургерами, и Виктора, который вернулся с перерыва. Марина, стараясь производить как можно меньше шума, прошмыгнула в мой кабинет. Согласитесь, неудобно появляться перед человеком, у которого горе, с пакетом еды, демонстрируя превосходный аппетит и хорошее настроение.

Муза продолжила свой рассказ. В мастерской Анатолия Аркадьевича ее ожидал новый удар. В маленькой, всегда аккуратной реставрационной был страшный кавардак. Настоящий разгром и никаких следов присутствия реставратора.

– Такое впечатление, что у него что-то искали... Я и решила обратиться к вам, может быть, вы что-нибудь знаете, ведь он иногда для вас кое-что делал?

Я была вынуждена огорчить несчастную женщину, Анатолия Аркадьевича я не видела уже пару месяцев и даже предположить не могла, что явилось причиной его исчезновения. Я постаралась убедить Музу Иосифовну, что мы сделаем все возможное и невозможное и обязательно разыщем Анатолия Аркадьевича, и попросила Виктора отвезти женщину домой. В таком состоянии отпустить ее одну было бы непростительно.

Виктор кивнул и помог даме подняться.

– Ты с соседями ее поговори, попроси, чтоб присмотрели, мало ли что, пожилой человек, – шепнула я ему.

Я взглянула на часы – стрелка приближалась к трем. Перерыв закончился, вот только аппетит куда-то улетучился. Есть не хотелось, голова была занята другим – с чего начать поиски.

– Ребята, я кофе сварила, – позвала нас с Ромой Марина. – Гамбургеры уже остыли, – разочарованно произнесла она, выкладывая их на тарелку. – Ешь, – приказала она тоном старшей сестры, пододвигая ко мне булочку с сосиской, сдобренной кетчупом. Я вяло откусила, удивляясь картонному привкусу булочки. Мысли мои находились далеко.

Из задумчивости меня вывел смешок Ромки:

– Вкусно? – поинтересовался он, указывая на гамбургер.

– Нормально, – ответила я, не понимая, чем вызван его интерес к моим вкусовым ощущениям.

– Ну, тогда приятного аппетита, – ехидно добавил мальчишка.

– Вот что значит плохо питаться, готова бумагу съесть, – заметила Маринка.

Только тут я обратила внимание на то, что откусываю булку вместе с бумагой.

Оставшиеся полдня я провела, обзванивая морги, больницы, знакомых оперативников на предмет неопознанных «бесхозных» трупов, жертв автокатастроф, бандитских нападений, – и ничего.

Вечером, злая и уставшая, я разбирала бумаги на столе, пытаясь таким образом навести порядок в собственных мозгах. Перед уходом Марина заглянула ко мне в кабинет:

– Оля, я вспомнила, что недели две назад телефон Вассермана своей соседке Варваре Никитичне давала, ей зачем-то нужен был реставратор.

– Зачем? – вяло спросила я. Вряд ли существовала связь между исчезновением Вассермана и Маринкиной соседкой.

– Не знаю, ей что-то нужно было отреставрировать. Если хочешь, я уточню. Ну, я побежала. А то меня Саша заждался, он сегодня на хозяйстве. Представляешь, в первый раз такой мужик попадает, который борщ варить умеет. Обещал сегодня торжественный ужин. Я побежала, – Марина послала мне воздушный поцелуй и удалилась, стуча каблучками.

Через пять минут со мной попрощался Роман, потом Кряжимский. Самым последним заглянул Виктор, он, как всегда, лишь молча кивнул. На этот раз кивок означал: «У тебя все в порядке? Я могу идти?» Не знаю, как ему это удастся, но наш сфинкс умеет молчать так выразительно, что без слов понятно все, что он хочет сказать. Виктор вообще феноменальная личность во всех отношениях, мастер своего дела, фотограф от бога и настоящий друг.

– Спасибо, все в порядке, до завтра, – произнесла я, собирая вещи. – Я тоже домой еду.

Домой я, конечно, не собиралась, нужно было навеститься в мастерскую Вассермана. Ключи мне оставила Муза, куда идти, я знала. Мастерская находилась в полуподвальном помещении, недалеко от музея, в котором работал Вассерман. Как уж ему удалось во времена застоя обзавестись мастерской, я не знаю, но без нее Анатолия Аркадьевича я себе не представляла. Дома, в их крохотной квартирке, просто не уместились бы все эти станочки, стеллажи, инструменты, холсты, краски, подрамники и коллекция. Коллекция у Анатолия Аркадьевича была замечательная. Он делал миниатюрные копии огнестрельного оружия всех эпох и народов. Крохотные мушкетеры, пушки времен Бородина, маузеры, мушкеты и пистолы, чего там только не было.

Я тихонько открыла дверь мастерской, нащупала выключатель и включила свет. Да... зрелище не для слабонервных... Все разворочено, даже половицы кое-где оторваны. Тут что-то искали. Интересно, нашли? Нет, если бы нашли, то Вассерман сейчас был бы здесь. Живой или мертвый – это уже другой вопрос. А раз его здесь нет, значит, не нашли... – пыталась успокоить я себя. Надежда, конечно, слабая...

Домой я возвращалась поздно. Так, еще один понедельник прошел и, как всегда, принес неприятности.

* * *

С утра меня захлестнул водоворот повседневных дел, наступило время оплаты счетов за аренду, время проплаты в типографию, и прочее, и прочее. Освободилась я только к обеду, тогда же и собрала планерку. Я не сторонница жесткого менеджмента, держать подчиненных в страхе, отчитывать за каждую секунду опоздания, давать строгаща за любую промашку – не мой стиль. Нет, мне по вкусу свободный обмен свободных мнений. Так что наши планерки скорее напоминают семейные чаепития, вернее, кофепития.

Я кратко рассказала о том, что увидела в мастерской Вассермана, о своих бесплодных звонках во все традиционные для Вассермана места отдыха и о том, что у меня никаких соображения нет.

– Может, в музей наведаться? – робко спросил Роман. – Вдруг Вассерману давали на реставрацию что-нибудь ценное и эта вещь была похищена?

– Исключено, – произнесла я. – Все ценное реставрировалось в мастерских музея. Все, что Анатолий Аркадьевич выносил из музея, фиксировалось в журналах выдачи. Я вчера звонила в музей, Вассерман в последние дни ничего, представляющего большую ценность, не реставрировал.

– Может, это связано с каким-нибудь клиентом, – предположил Кряжковский. – Может, он что-то ценное реставрировал из частной коллекции, кто-то прознал об этом и...

Я ухватилась за эту идею, как утопающий за соломинку.

– Возможно, Сергей Иванович, это мысль. Но вот как выяснить, с кем в последнее время имел дела Вассерман? Сами понимаете, коллекционеры народ скрытный. На всех углах о своих делах не кричат.

Тут, как всегда, влезла Маринка:

– А может, Вассерман просто случайно попал... Может, за кем-нибудь из коллекционеров следили, хотели у них что-нибудь украсть и... Давайте обратимся к этому, к криминальному авторитету. Он же нам должен помочь за оказанную услугу. Пусть узнает, чьих рук дело.

– Нет, только не к Кондратьичу. Я, если честно, уже и не рада, что помогла ему.

– Ну... все равно, не исключена случайность, – гнула свое Марина.

Замечание Маринки было по сути своей идентично замечанию Кряжковского, но мы все сделали вид, что наша секретарша придумала что-то оригинальное. У Маринки есть много бесспорных достоинств, но и недостатков не меньше. Среди них страстное желание показать, что место, которое она занимает, гораздо ниже того, которое соответствует ее умственным способностям. Причем никто не сомневается в этом, но Широкова одержима идеей доказать очевидное. Ее тайная мечта – раскопать что-нибудь эдакое.

Если честно, журналист из Маринки никакой, зато секретарь – незаменимый. С ее аккуратностью, способностью печатать любой текст в рекордно короткие сроки, безошибочно угадывать, кто перед тобой: налоговый инспектор или клиент, плюс преданность нашей газете и, главное, – превосходное знание нескольких иностранных языков. Но ей этого мало, она ужасно обижается, если мы не принимаем всерьез ее версии.

Поэтому мы всегда внимательно выслушиваем ее замечания.

– Хорошо, пусть Вассерман стал случайной жертвой. Тогда как нам выяснить, на кого был направлен удар?

– Пройтись по коллекционерам, – снова встряла Марина. – Спросить, кто в последнее время давал Анатолию Аркадьевичу что-нибудь на реставрацию.

Легко сказать, труднее сделать. Я достала большую тетрадь, прихваченную из мастерской реставратора. Своеобразный гроссбух. Сюда Анатолий Аркадьевич записывал кое-кого из

своих клиентов, время получения вещи, сроки для памяти. Может, эта тетрабочка нам поможет?

Все записи велись аккуратно, выписаны красивым каллиграфическим почерком, буква к буквке, без помарочек. Вот последний месяц, заказов было не так много, всего пять. Некто Козинцев Валентин Казимирович – луковка «Буре», затем мадам Штыцко Галина Васильевна – икона, предположительно начало XVIII века, потом следовала Журавлева Елена Анатольевна – часы с боем и двигающимися фигурками XVII века, потом два раза была написана одна и та же фамилия – Шакаленко Артем Тарасович – яйца лже-Фаберже... Вот, собственно, и все. Адресов, естественно, не было, оставалось надеяться, что Муза Иосифовна хоть кого-нибудь из них знает.

Хотя нужных фамилий может и не оказаться в этой тетради.

Мы же не знаем, что мог реставрировать Вассерман. Анатолий Аркадьевич за долгие годы работы в музее брался практически за все, хотя его основной специальностью была реставрация картин. Он обожал старинные часы, разбирался в холодном оружии, собирал коллекцию старинных монет и орденов...

Список получался ого-го какой. Конечно, за свои услуги реставратор брал довольно дорого, значит, к нему могли обратиться за помощью только крупные коллекционеры. Это сразу сокращало список человек до пятидесяти, наверное.

Кое-какое представление о мире коллекционеров Тарасова я имела, приходилось сталкиваться, да и Вассерман меня в свои дела посвящал. Народ скрытный, серьезный, к ним так просто не подберешься. Но с чего-то надо начинать. Все равно никаких других версий у нас не было, и я отправила Кряжмского к Музе Иосифовне:

– Ваша идея, Сергей Иванович, вам и карты, вернее, тетрадь в руки.

– Между прочим, это и моя идея тоже, – обиженно произнесла Марина.

– Мариночка, я же не могу совсем оголить редакцию, кто-нибудь должен держать руку на пульсе... Вдруг что-то важное, а с этим можешь справиться только ты. Вдруг твой Саша позвонит... – применила я совсем недозволенный прием, видя, что мои слова Широкову не убедили. – Как там, кстати, твоя семейная жизнь? – поинтересовалась я, чтобы не дать Маринке опомниться.

– Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Цветы дарит, готовит так, что пальчики оближешь, не зануда, на руках меня носит... Со всеми нашими старушками перезнакомился, обаял вконец.

Они его вареньем закармливали, взяли над ним шефство. Представляешь, они ему даже замечаний не делают за то, что свет в коридоре выключать забывает. Я вечером прихожу, они на кухне чай пьют, его своими историями из жизни грузят, а он, – Марина прыснула, – сидит и внимательно все слушает. Представляешь? Старушки даже сериалы смотреть перестали по вечерам, перенесли просмотр на утро, только бы вечернее чаепитие не пропустить. Умора!

Я искренне порадовалась за подругу, в конце концов, должно же ей повезти. «Спортсменка, комсомолка, наконец, просто красавица...» Наш разговор прервал телефонный звонок, судя по тому, как засветилось Маринкино лицо, звонил Саша. Интересно, он и в самом деле такой со всех сторон положительный? Верится с трудом, но если так, то его просто необходимо занести в Красную книгу исчезающих видов. Маринка положила трубку и со счастливым лицом повернулась ко мне:

– Саша звонил, спрашивал, куда я хочу пойти сегодня вечером...

– Познакомила бы. Раз уж у вас все так серьезно, пусть попросит твоей руки у родного коллектива. Мы на него посмотрим, прикинем, годится или нет, и решим – отдавать тебя или не стоит, – пошутила я.

– Ой, он такой стеснительный, говорит, что боится, вдруг произведет не то впечатление. У него девять классов всего и техникум. А хочешь, я попрошу его меня встретить у редакции, и ты на него посмотришь? – спросила Марина. – Он мне перезванивать будет, так я ему скажу.

Чтобы сделать приятное подруге, я, конечно же, выразила желание посмотреть на Александра, хотя бы издали. К вечеру в офис вернулся Кряжимский. Из четверых Муза Иосифовна знала только двоих – Валентина Казимировича Козинцева и Галину Васильевну Штыцко. Фамилии остальных заказчиков ей были неизвестны.

– Как там она? – спросила я у Сергея Ивановича, подавая ему чашку свежесваренного кофе.

– У нее соседка дежурит, милейшая дама пенсионного возраста, она ее, как может, от грустных мыслей отвлекает, заставляет сериалы по телевизору смотреть. Никто по поводу Анатолия Аркадьевича не звонил, выкупа или еще чего не требовал.

– Ольга Юрьевна, – спросил вдруг Ромка, который весь день был в состоянии задумчивости.

Если признаться, меня всегда пугало это его состояние. Именно в такие минуты в его молодую голову приходили всевозможные бредовые идеи, которые он тут же кидался реализовывать. Сколько раз приходилось вытаскивать его из всевозможных передрыг...

– Ольга Юрьевна, а вдруг музей хотят ограбить, а реставратора украли, чтоб он им показал ценные экспонаты или как в музей пробраться.

В комнате повисла тишина, я чуть не пролила горячий кофе на новый брючный костюм. Кряжимский как самый выдержанный из нас и виду не подал, что его удивила версия Ромки, Маринка звонко захохотала. Однако Ромка совершенно не обиделся на нашу реакцию. Он как ни в чем не бывало продолжил развивать свою мысль:

– Я в тот день, когда в Интернете сидел, наткнулся на любопытный сайт – «Культурная жизнь», что ли. Так вот, вы знаете, что на днях в музее открывается выставка, привезенная из Эрмитажа, по-моему? Коллекция вещей Фаберже. Там, говорят, очень ценные штучки есть.

Фаберже, Фаберже... лже-Фаберже... Интересно, это простое совпадение или?... Срочно нужно было искать владельца лже-яиц, может, действительно Ромка прав. Этого Шакаленко Артема Тарасовича нужно срочно разыскать.

Ход моих мыслей был прерван Мариной, наступившей мне под столом на ногу, она выразительно подмигивала, о чем-то сигнализируя. Я никак не могла понять, в чем дело.

– Извините, – громко произнесла она, обращаясь явно ко мне, – срочные дела требуют моего исчезновения. До свиданья.

Тьфу ты черт! Наконец-то до меня дошло. Демонстрация жениха, как это я забыла! Я кивнула Марине. Секретарша мило попрощалась и упорхнула. Я выглянула в окно – никого. Вот уже Маринка спустилась вниз, огляделась, прошлась взад-вперед, но Саши не было. Девушка то и дело поднимала голову, вглядываясь в наши окна. Я простояла минут пять, ко мне подтянулись сотрудники редакции, привлеченные моим пристальным разглядыванием улицы.

Наконец-то на улице, довольно тихой в этот час, показалась шикарная иномарка. Из машины выглянул высокий, худощавый мужчина с большим букетом роз. Он оглянулся, улыбнулся и быстрым шагом двинулся к Маринке.

– Ничего себе тачка, – воскликнул Ромка. – Это что, Маринкин поклонник? – наивно поинтересовался мальчишка, разглядев, кому предназначается букет хозяина авто.

Картинка была весьма романтической, двое влюбленных, букет... Тут у меня родилась, по-моему, неплохая мысль:

– Виктор, можешь сделать отсюда четкий снимок этой сладкой парочки? Мы завтра Марине сюрприз преподнесем.

Виктор, который не расставался со своим фотоаппаратом нигде и почти никогда, молча кивнул и пару раз щелкнул Марину и Александра на фоне серебристого «Опеля».

– Сможешь напечатать фотографии к утру? У меня где-то рамочка была, мы на ее стол поставим.

В принципе я могла не говорить этих слов, потому что наш великий молчун уже направился в фотолабораторию.

* * *

Я начала обход клиентов Вассермана с мадам Штыцко Галины Васильевны. Жила она в центре Тарасова в старинном особнячке и никакого отношения к коллекционерам не имела, а просто отдала Вассерману на реставрацию семейную реликвию. Галина Васильевна была приятельницей Музы Иосифовны, поэтому Анатолий Аркадьевич взялся за это дело совершенно бескорыстно.

Галина Васильевна, которую я попросила о встрече по телефону, как будто ждала меня за дверью. Не успела я нажать кнопку звонка, как дверь распахнулась. На пороге стояла пухленькая старушка с седенькими буклями на висках в синем шерстяном платье с белым ажурным воротничком. Старушка как будто сошла с картинки детской книжки, она была похожа на добрую волшебницу.

– Здравствуйте, Оленька, проходите, пожалуйста.

Я удивилась. Ведь, если мне правильно помнится, имени я своего не называла, представилась журналисткой из газеты, назвала только фамилию...

– Удивлены, откуда я ваше имя знаю? – с милой улыбкой спросила Галина Васильевна. – А я, между прочим, газету вашу от корки до корки читаю. Статьи у вас пишет всего одна женщина. Фамилию свою вы назвали, ну а имя вычислить проще простого.

Я улыбнулась в ответ. Вот дает старушка, ни за что бы не подумала, что пенсионерки тоже входят в число читателей «Свидетеля». Женщина проводила меня в просторную гостиную, завешенную картинами и иконами, заставленную старинной мебелью.

– Присаживайтесь, деточка, сейчас чайку выпьем, поболтаем, – произнесла она, указывая мне на стул с гнутой фигурной спинкой.

– Галина Васильевна, вы меня извините, но у меня очень мало времени, – я попыталась отказаться от чая. Но женщина не соглашалась разговаривать со мной до тех пор, пока я не отведаю фирменного пирога с клюквой. Пришлось согласиться.

– Я слушаю вас, деточка, – произнесла она, разливая по фарфоровым чашкам густой ароматный чай.

– Галина Васильевна, – начала было я и на минуту задумалась, стоит ли говорить об исчезновении Вассермана, волновать пожилого человека, – вы недавно отдавали на реставрацию Анатолию Аркадьевичу Вассерману икону.

– Ах, Анатоль-Анатоль, я давно говорила, что у него будут неприятности, – произнесла старушка, ловко разрезая пирог.

Я насторожилась. Что именно имела в виду Штыцко?

– Какие неприятности, ну что вы, просто мы готовим статью... – заметила я как можно спокойнее.

– Лапушка, я старая женщина и к тому же любительница детективов, так что могу сложить два и два. Если вы, журналистка криминальной газеты, пришли ко мне и расспрашиваете о Вассермане, значит, что-то стряслось.

Потому что, если бы с ним все было в порядке, он бы перед вашим приходом обязательно позвонил. Или он, или Музочка. А Музочка не звонит мне уже несколько дней... Значит...

Пришлось мне честно признаваться, в чем дело.

– Почему вы сказали про клиентов Вассермана, что они его до добра не доведут? – поинтересовалась я.

– Видите ли, Музочка – моя школьная подруга, она очень милая, замечательная. Она из прекрасной интеллигентной семьи, ее отец был известным в Тарасове дантистом, а дантисты, сами понимаете, во все времена остаются дантистами. При советской власти, при перестройке или при сегодняшнем «капитализме с человеческим лицом». Музочка выросла в благополучной семье с большим достатком, она привыкла к роскоши и комфорту. А все это стоит денег, и немалых... Вот Анатолю и приходилось крутиться, ведь на одну музейную зарплату не проживешь...

А сейчас, сами знаете, у кого старинные вещи – у всяких там «новых русских», бандитов, значит. Говорят, Анатолю кое-что скупал, нет, не из краденого, упаси господь, – произнесла старушка. – Но все же подозрительные личности у него иногда бывали. Вот когда я икону свою забирала, у него в мастерской находился весьма неприятный молодой человек. Я еще тогда сразу подумала: натуральный бандит. Голова лысая, шея толстая, взгляд волчий. На пальце бриллиант с голубиное яйцо, на галстуке, представляете, он в костюме был и при галстуке, булава золотая в палец толщиной.

Я внимательно слушала хозяйку, забыв про чай и пирог с клюквой.

– Галина Васильевна, вы случайно не знаете, зачем он приходил? – спросила я, не надеясь на ответ.

– Представьте себе, знаю. Он принес Анатолю две вещицы, хотел проверить, настоящие они или нет, и попросил кое-что починить...

– А что именно? – произнесла я.

– По-моему, пасхальные яйца работы Фаберже из коллекции императорской семьи.

– И??? – поторопила я ее.

– Подделка, правда, металл натуральный, золото, самоцветы... Так вот, он почему-то так на Анатоля ругался, как будто он ему эти самые яйца продал или просил продать. Анатолий Аркадьевич что-то ему говорил о выставке, по-моему, в музее на днях что-то будет интересное. Что дальше было, я не знаю, я свою икону забрала и оставила их.

– Не припомните, какого числа это было? – поинтересовалась я.

– Да на той неделе, кажется, в среду или четверг...

Мы попрощались. Потом я довольно долго переваривала полученную информацию. Может, Ромка прав и при всей абсурдности его версии что-то в ней есть.

А вдруг и в самом деле некий узнавший о подделке «новый русский» решил приобрести подлинники? С другой стороны, если ему всучили подделку, он не ценитель и не коллекционер. Ему какая разница: вещи из драгметалла, имеют свою стоимость... Обидно, конечно, что так лоханулся, но...

Где искать этого «ценителя», я не знала, хотя уже не сомневалась, что зовут его Артем Тарасович Шакаленко. Насчет того, причастен он к исчезновению Анатолия Аркадьевича или нет, сомнения все же оставались.

Козинцев Валентин Казимирович был старинным клиентом Вассермана и обладателем одной из крупнейших коллекций антикварных часов в Тарасове. Жил он в стандартной двухкомнатной квартире в самом отдаленном районе города. Когда я оказалась в квартире Валентина Казимировича, то поняла, почему он живет в таком захолустье. Его коллекция, которой он посвятил всю свою жизнь, отбирала не только время, но и деньги. Часы были кругом: висели на стенах, тикали на полках, тумбочках и этажерке, в углу стояли огромные напольные часы причудливой формы. Самое потрясающее, что все эти экспонаты ходили и показывали точное время.

Козинцев оказался благообразным сухоньким старичком, смахивающим на Толстого, имеется в виду Лев Николаевич. С такой же окладистой бородой, прямой спиной и добрыми глазами.

Валентин Казимирович показал мне несколько каталогов различных выставок, на которых побывали вещи из его коллекции. Несколько каталогов на немецком, а один на французском языке. Коллекция Козинцева, оказывается, имела мировую известность. Я узнала много интересного о часах, но ничего приближающего меня к разгадке исчезновения Анатолия Аркадьевича не выяснила. Часы-луковка были возвращены в срок в целости и сохранности, ничего подозрительного Козинцев не заметил, в последние дни Вассерман ему не звонил.

– Валентин Казимирович, а не могли бы вы мне назвать кого-нибудь из клиентов Вассермана? – поинтересовалась я.

– Голубушка, Ольга Юрьевна, – внимательно взглянув на меня, произнес коллекционер, – не кажется ли вам, что пора объясниться. Муза, конечно, мне позвонила, перед тем как вы пришли, я, знаете ли, с улицы никого в дом не пускаю. Такое богатство, сами понимаете... Но она ни в какие подробности вдаваться не стала.

«Ох уж эта пенсионерская проницательность, – подумала я про себя, – все-то они замечают, обо всем-то догадываются, сыщики». Пришлось мне раскрыться и рассказать, чем вызван мой интерес к клиентам Анатолия Аркадьевича. Козинцев сразу же принялся составлять список известных ему коллекционеров, пользовавшихся услугами реставратора. Набралось человек десять. На прощание я задала вопрос:

– Вы никогда у Вассермана не встречали молодого человека по имени Артем Шакаленко? Козинцев подумал несколько минут и покачал головой:

– Фамилия занятая, если бы слышал, запомнил. Нет, не встречал. Да вы знаете, Ольга Юрьевна, у Анатолия были клиенты, с которыми мы не пересекались, из этих псевдокolleкционеров, нуворишей. Они в нашем деле ничего не понимают, скупают все подряд, лишь бы денег больших стоило... Толик их стеснялся, но они самые денежные клиенты. Душа душой, а о хлебе насущном думать тоже приходится.

Больше ничего интересного Козинцев не знал.

Всю дорогу, пока я ехала к редакции, мне не давала покоя одна мысль: как «новые русские» выходили на Вассермана? Ведь кто-то должен дать его адрес, телефон, представить в конце концов. Не объявление же в газете давать: «Ищу конкретного реставратора за очень конкретные бабки». Где же тебя искать, Артем Тарасович Шакаленко? Наверняка кто-то через кого-то рекомендовал. Знай я этого человека, нашла бы и Шакаленко.

Весь вечер я ломала голову над тем, как найти этого обладателя яиц лже-Фаберже? Может, дать объявление в газете: «Продаю дорогие пасхальные яйца работы Фаберже. Контактный телефон такой-то». Контактным можно поставить телефон редакции и ждать. Ждать, когда Шакаленко появится. Ну появится, и что с того? Не будешь же спрашивать у совершенно незнакомого человека: «Куда вы дели Вассермана?»

Голова моя распухла от того количества версий и ситуаций, которые я прокручивала. Будильник показывал второй час ночи, все здравомыслящие люди наверняка уже спали. А я, как дурочка, сидела на кухне и курила одну сигарету за другой, глотая невероятные количества кофе и пытаюсь представить себе совершенно абсурдные вещи.

* * *

Звонок будильника я, конечно же, не услышала, позавтракать не успела, даже кофе не выпила. Кое-как привела лицо в порядок и рванула в редакцию. Можно было и не торопиться, механизм отлажен и будет работать, даже если я окажусь на месте не в девять, а в десять утра. Сотрудники прекрасно справятся, никто без дела не будет слоняться по редакции, болтать по служебному телефону или просто валять дурака. Просто я привыкла, что каждое рабочее утро первой прихожу в редакцию. За все время существования «Свидетеля» я опаздывала считанные разы и только в случае форс-мажорных обстоятельств.

Все сотрудники, конечно же, были в сборе, Виктор кивнул мне из дверей фотолаборатории и протянул конверт, Кряжимский что-то проговорил насчет доброго утра, Ромка приветливо улыбнулся. Только Марина уныло глянула в мою сторону.

Так, началось. Проблемы на личном фронте. Так я и знала. Вот сейчас она в моем кабинете с видом великомученицы, несчастной сиротки скажет, что ее жизнь не удалась, что у нее все не как у людей и что...

– Оля, скажи, почему мне так не везет, – сказала Марина, закрывая за собой дверь кабинета.

Так я и знала, можно без Нострадамуса угадать развитие событий.

– Марина, свари кофе, а то я позавтракать не успела, и пошли Ромку купить чего-нибудь пожевать.

Маринка обиженно фыркнула и выскочила из кабинета. Ничего, она отходчивая. А если ее сразу начать слушать, то сама себя до слез доведет жалостью. Через десять минут Маринка внесла поднос с кофе и чудесными рогалями. Она уселась напротив меня, взяла чашку с кофе.

– Рогалик бери, – предложила я, отпивая божественный напиток.

– Аппетита нет, кусок в горло не лезет, – уныло произнесла секретарша, помешивая ложечкой сахар.

– Ну и что у тебя стряслось? – поинтересовалась я, наблюдая за тем, как Марина, жаловавшаяся на отсутствие аппетита, уплетает второй рогалик. – Александр оказался женатым? – наугад сказала я.

– Ну при чем тут это, – фыркнула Марина. – Нет, он меня любит, у нас все замечательно, и мы обязательно поженимся. Понимаешь, у него проблемы. – Глаза Маринки наполнились слезами. – На его фирму кто-то наезжает...

– Это он тебе так сказал?

– Нет, ты что. Он не такой, он ни за что не признается. Просто, когда мы сидели в ресторане, ему кто-то позвонил. Вначале все нормально было, а потом Саша как-то изменился, начал нервничать и попросил, чтобы мы домой поехали. Потом в машине ему еще несколько раз звонили, и он каждый раз дергался от этих звонков... Я его спросила, в чем дело, а он отмахнулся, так, говорит, небольшие проблемки с «крышей». Значит, с бандитами. Оля, я за него боюсь.

– Ну, Маринка, не накручивай себя по пустякам. С чего ты решила, что это про фирму? Может, он о ремонте говорил. Ты же не уточняла? У него, может, квартира на последнем этаже, а ты... – я попыталась ее успокоить.

– Нет. Он меня возил к себе, там особнячок сталинский трехэтажный на Липовой. Квартира на втором этаже, трехкомнатная. Там полным ходом евроремонт, он меня на экскурсию водил. Оля, я за него боюсь, – снова захлюпала носом Маринка.

– Так, хватит реветь, ничего страшного еще не случилось и не случится. Твой Александр, надо думать, мужик с головой, сам разберется. А станешь много реветь, превратишься в уродину, он тебя увидит и разлюбит. Сходи-ка ты в парикмахерскую, считай, что у тебя отгул. Приведи себя в порядок, от дурных мыслей отвлекись, купи торт...

Маринка несколько минут раздумывала, принять мое предложение или остаться на работе, и решила все же воспользоваться советом и добротой начальства. Из Маринки в таком состоянии все равно работник никакой, будет только меня своими слезами отвлекать и наших мужиков расхолаживать, а парикмахерская она и в Африке парикмахерская, лучшее лекарство от депрессии и переживаний по поводу личной жизни.

Я принялась разбирать почту и наткнулась на конверт, переданный Виктором. Из конверта выскользнули три цветные фотографии: Марина и Александр. Как же я забыла про сюрприз? Ладно, завтра обязательно приду пораньше и поставлю фотографию на секретарский стол.

Так, что у нас по плану? Опрос членов «банного клуба Вассермана». Пошлем по адресам Кряжимского, тем более он в бане кое-что понимает, сам регулярно парится. Может, даже в той самой. Для Кряжимского особый клубный день – четверг. Он строго следует расписанию, пропустить поход в баню для него смерти подобно. Интересно, медом им там намазано, что ли. С десятков мужиков в замкнутом душном пространстве потеют себе при высокой температуре. По-моему, это удовольствие сомнительное. Но кто разберется в этой странной мужской психологии.

– Сергей Иванович, – обратилась я к Кряжимскому, читающему какую-то газету.

Кряжимский отложил газету в сторону и поднял глаза на меня:

– Вы закончили со статьей о конгрессе по правам человека?

– Угу, все напечатано, все проверено.

– Сергей Иванович, у меня к вам просьба. Не съездите ли поговорить с друзьями Вассермана? Может, они что-нибудь знают? Тем более что у вас общее увлечение. Виктор вас отвезет и привезет. Вот несколько адресов, я всем им предварительно позвонила.

– С удовольствием, – произнес Кряжимский, собирая вещи. – А то мне порядком безделье надоело.

У нас так всегда. То аврал, срочные статьи, то все слишком спокойно. После недавней внеплановой публикации на целый разворот о заказном убийстве профессора истории часть статей пришлось вынимать из номера. Так что половина следующего у нас уже готова.

Ну а я займусь поисками этого самого Шакаленко. Попробую начать с самого простого, найти такого человека через справочное. Горсправка находилась на соседней улице, неказистая палатка с облупившимися, давно не крашенными стенами и вечно раздраженными, недовольными жизнью сотрудниками. Очередь стояла довольно длинная. Каждый второй от окошечка отходил не солоно хлебавши. Понятно, кому охота за копейки перелопачивать горы материалов. Интересно, у них там компьютер есть или все вручную?

Мои раздумья прервал вопрос:

– Что вам?

Я подняла глаза. Задумавшись, не заметила, как подошла моя очередь. Из окошечка на меня неприязненно смотрела женщина с тусклыми обесцвеченными, пережженными химией волосами. Всем своим видом женщина показывала, как я ей неприятна и как ее достали эти дурацкие запросы-вопросы.

– Здравствуйте, – как можно шире улыбнулась я. – Будьте так любезны, девушка, – это я, конечно, польстила, девушкой она была, когда я под стол пешком ходила, – помогите найти человека.

– Имя, отчество, фамилия, год и место рождения, пол, – как автомат, безразлично произнесла она.

– Артем Тарасович Шакаленко, а вот год и место рождения мне, извините, неизвестны.

Тетка за окном оживилась:

– Вы себе представляете, сколько этих самых Шакаленко может быть в Тарасове? Я вам не компьютер, всех перебирать – до пенсии времени не хватит. А у меня, между прочим, сдельная работа...

– Девушка, я вам заплачу, сколько скажете... – попыталась было я зайти с другой стороны.

– Ага, – торжествующе завопила она, – взятку мне дать хотите? – Завопила и тут же осеклась, увидев у меня в руке сторублевку. – Ладно, примерно хоть возраст назвать можете?

– Примерно? Ну где-то от двадцати до тридцати пяти, – произнесла я.

Женщина кивнула и, ловко взяв у меня сторублевку, заявила:

– С вас десять пятьдесят, пожалуйста, без сдачи.

Я порылась в карманах и выгребла всю имеющуюся мелочь. Минут через пять женщина выдала мне адрес одного-единственного Артема Тарасовича Шакаленко, 1973 года рождения.

Есть! Я отправилась по указанному адресу. Район проживания у товарища Шакаленко неблагополучный, известный своей криминальной аурой. Тут один на другом были напичканы всевозможные заводы, на которых по три смены вкалывали рабочие. С развлечениями, социально-культурными очагами – напряженка. Молодежи тут доставались развлечения типа стенка на стенку, кто кого перепьет и прочие сомнительные удовольствия.

Неужели напала на след и этот Шакаленко тот самый, которого я разыскиваю? Возможно. Надеюсь, что Артем Тарасович жив и здоров. В противном случае... Я постаралась отогнать дурные мысли. Но в голову лез вчерашний разговор по телефону с Музой Иосифовной. Несчастная женщина потеряла надежду, совсем перестала выходить из дому, ждет звонка от похитителей с требованием выкупа. Спрашивала, не порекомендую ли я ей кого-нибудь, кто купит дорогие ювелирные украшения. В ломбарде дают за них смешную цену – по весу, а там есть настоящие сокровища, семейные реликвии. Я, как могла, успокоила бедняжку и пообещала найти кого-нибудь. Мы договорились, что она снова пойдет в отделение милиции и подаст заявление об исчезновении. Я позвонила знакомому из органов и попросила помочь женщине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.